

— Интуитивно помните, что такое предрассудок? Ваши предрассудки?

— Насчет предрассудков я бы не сказал, но я достаточно суеверный человек и обращаю внимание на разного рода события, на которые надо обращать внимания.

Например, если все будет срабатывать хорошо, кто-то каждый день будет вешать халатик на этот гвоздик. Что-то такое есть и у меня. Но это суеверие, а не предрассудок. Предрассудков я как-то за собой не замечал.

— Предрассудок, вами переносимый в людях, есть какой-нибудь?

— Я могу быть нетерпим к разного рода поступкам, допустим к проявлениям беспардонности, хамства и так далее. Но вообще-то предрассудок — это вещь интимная, и, если человек находится в плену, как говорят, затараканенный, такой-сякой, это его личное дело, я не буду его за это ругать, винить, корить... Если он на чем-то зашклен — буду относиться к нему не то что с большим уважением, но это его личное дело, так он сложился.

— Вера в Бога — это тоже нечто интимное, на ваш взгляд?

— Я продукт своего общества, к сожалению. Мы атеисты — я говорю «мы» о большинстве. Естественно, есть и истинно верующие люди, и дорога к Богу сложна, а я не знаю ни ритуалов, ни молитв наизусть; я просто рад теперь, что могу ходить в церковь, рад, что, может, у меня душа там успокаивается, я рад, что могу там подумать о чем-то своем. Хотя назвать себя истинно верующим человеком я не имею права.

— Вы сказали «теперь». Что, раньше, когда это было предсудительно, вы...

— Не то чтоб я этого боялся, просто у меня не было тогда тяги, я не так был воспитан.

— Вы в некотором роде жертва моды?

— Ну да, я жертва социальных условий, я бы сказал. Мода — это не совсем то.

— Мне кажется, что мы уже начали понимать друг друга. Рискну — украду из записной книжки Довлатова: «Мещанин — это человек, думающий, что у него все должно быть хорошо». Прикоснитесь к большим точкам вашей души. Что болит, всегда болело или страшные рубцы остались?

— Я готов быть искренним, но не очень люблю раскрываться. Потому что, если это действительно больная точка, мне кажется, человек не должен ее переносить на других. Если эти болячки меня тревожат, я сам должен с этим справиться. Я сейчас имею в виду, как вы понимаете, форму поведения в обществе. Когда приходит человек и начинает на всех вешать свое — это нехорошо, а если есть действительно боевое, шрам на сердце — то это настолько свое, настолько интимное, что мне не хотелось бы, чтобы об этом знали много людей. Как бы мы с вами искренне ни говорили, все равно, я так думаю, до дна душ мы не докапаясь, все равно будет слой души, которого мы не коснемся, потому что он лично мой. А что касается мещанства из книжек Довлатова? Это вообще остроумная книга, и там очень много смешного. Он — человек социально заостренный, поэтому то, о чем он сказал, наверное, есть в каждом человеке, и не только в мещанине. Более того, в нашем обществе, как и в государстве — простите за глобальность, — тем не менее отражаются на нас на всех, просто по-разному проявляются, в зависимости от положения человека в обществе, материального достатка, а также его интеллекта. Поэтому, когда я включаю телевизор или открываю газеты, естественно, на меня обрушиваются те несчастья и события, которыми больна страна, — естественно, это не может пройти мимо меня. Я так же, как многие, за это переживаю...

— Вы были знакомы с Довлатовым, видели его?

— Нет.

— У вас не осталось после чтения впечатления, что он близкий вам человек, знаком вам?

— Это перебор — нет. Тем не менее он вызывает у меня симпатию.

— С кем из русских классиков, гениальных прозаиков этого столетия случился этот анекдот, то есть кто сделался вам близок?

— Ну, это по-разному. Наша профессия дает нам возможность читать книги. Воллей-неволей я должен прочесть хотя бы то, что играю. Хоть не хощу. Потому бедный артист знает и Достоевского, и Толстого, и Чехова, и Островского, и так далее и так далее. Вот. А если говорить о XX ве-

как вот, улыбаться и хихикать, и тогда я не знаю, как реагировать — тоже какие-то рожи корчу в ответ.

— В зеркало часто вам хочется взглянуть — что там?

— Ну, я часто смотрю на себя в зеркало, потому что должен гримироваться, поэтому смотрю как — ну, на предмет работы. Как на инструмент, грубо говоря.

— Как вы думаете, почему так магнетически влечет зеркало женщин?

— Думаю, это подсознательное желание понравиться, попытка увидеть то, что должен увидеть представитель противоположного пола в этом лице, дабы ему понравиться... И вот она смотрит: вот так вроде хорошо... А у меня это уже

му?" "Что вам больней потерять — руку или ногу?" Одинокое больно, только природа этой боли разная. Потому что мужчина — это одно, женщина — другое. Потеряв женщину, разочаровавшись в ней или увидев ее предательство, превращаются в Отелло, лезут на стену, плачут, рыдают, кусают локти. Потеряв друга, люди зажимаются, слезы внутри. Отсекают, становятся суше, если столкнутся с предательством. Это бывает горько, но, наверное, много таких случаев довольно жестко у себя самого отсекают...

— Вы склоняетесь к тому, что это боль разная по качеству, по силе.

— Зависит от масштаба, от того, насколько тебе дорог

— Сапожник без сапог... Вряд ли вы вспомните другую идею, вокруг которой, так же как происходит у нас, грешников, собираются все события вашей внешней, внутренней жизни.

— Ну, это не идея. Я в принципе работоголик, и я благодарен судьбе, что себя угадал. Мне нравится заниматься тем делом, которым я занимаюсь. Нравится — это неверное слово. Болезненно нравится. Я не могу без этого, это как наркотик. И я знаю, к несчастью людей, которые себя не угадали. Которые отсиживают, отработывают, ждут суббота и воскресенья, ждут, когда пробьет пять часов, можно бежать там — из-за стола. Я же, напротив, бегу

телось, и он начинает себя выражать на этом холсте. Нет, я должен выразить то, что уже один художник, по имени писатель, драматург, написал, потом другой художник, по имени режиссер, увлекся именно этим материалом, более того, ему в лоб влетело предложить одну из ролей именно мне, а не кому другому. И надо, чтобы эта цепочка состоялась, иначе я не буду заниматься этой именно ролью. Желательно, чтобы это произошло в тот момент, когда я могу это делать, потому что некоторые роли поздно играть, какие-то — рановато. В том, чтобы это сошлось, должна быть доля везения, удачи, случая. В книге «Три Дюма» Моруа первый том заканчивается тем, что Дюма фантастически повезло. Он заканчивал пьесу в трактирчике. Именно в ту секунду туда вошла звезда театра с мещаном, они увидели пьесу, схватились — и дело пошло. А дальше Моруа пишет такую фразу: каждому человеку жизнь предлагает минимум десять случаев изменить свою жизнь, и только один Дюма этим воспользовался. Давайте будем этому следовать.

— Не решаюсь тут же задать свой вопрос, Блока призову на помощь: «Чтобы по бледным заревам искусства узнали жизни пламенный пожар», — теперь спрощу: из пожара жизни что самого драгоценного удавалось вам вынести? Пусть это будет философия. Не сумеете?

— Рождаются банальные ответы типа: любовь, восторг творчества, радость жизнелюбия, что живу, слышу, чувствую, улыбаюсь — не более того. А то, что жизнь — это пожар, это очень красиво. Будем тянуться к этим образам...

— Теперь помогу вам встать на цыпочки... Вообразите, что звездное небо по метеословиям планеты мы, люди, можем видеть один раз в сто лет. Вообразите, что вы счастливчик, живущий в этом поколении... И вы вышли на улицу, чтобы потом детям, внукам рассказывать... Как вы думаете, для большинства людей это будет важнейшее событие жизни?

— Для большинства людей это будет событием важнейшим. Для меня это будет просто важным событием. Из ряда того, как если бы я видел солнечное затмение. Всю жизнь я жил без звезд, и в этой беззвездной жизни будут какие-то иные точки, интересы и так далее, и так далее. А потом свершится в моей жизни единственный день, я посмотрю, но не сумею до конца оценить значимость события, оценить тот восторг, что я вот вижу это. Потому что для этого события нужно быть определенным образом подготовленным. Даже если я буду готовиться всю жизнь — сейчас произойдет, сейчас произойдет! Оценить довольно трудно.

И редко испытывал это в жизни. Помню, когда попал в Венецию, в какое-то мгновение чувствовал, что у меня по лицу гуляет идиотская улыбка — ведь это чудо, этого не бывает в жизни. Я это вижу, я здесь, Боже мой, сумасшествие, красота, убийство. Но потом я подумал, ведь всего этого могло и не произойти со мной, если бы я развивался не таким образом, каким развивался до того дня, если бы я не закончил определенного института, если бы не общался со своей мамой. В рассказе Рея Брэдбери (не помню, как он называется) каких-то людей с планеты Земля занесло в иную цивилизацию, где все время идет дождь. И только раз в семь лет на два часа солнышко появляется, и все дети этого момента ждут. Среди этих детей была одна девочка, как парня. Ее родители приехали позже, она видела, что это такое — солнышко, она очень этого ждала. И дети ее на эти два часа заперли в чулане. Сами радовались, кто-то про нее забыл, кто-то вспомнил, потом стало стыдно. К сожалению, Олег, должен уже расстаться... Смотрит на часы. Встает. Съемка.

Беседу вел Олег ЮЛИС.

НИКОЛАЙ КАРАЧЕНЦОВ СЕБЯ УГАДАЛ

И зрители этому обстоятельству рады

ке, то по-разному жизнь откладывала отпечатки на мою душевную. Знакомился, поскольку надо было знакомиться, с Шолоховым, а потом я открывал для себя мир Маркса — и тогда я получал просто наслаждение от того, что предложение — в страницу, я получал удовольствие от того, как оно соткано... И за этим стояло очень многое... Потом... я не знаю... вдруг открыл для себя Курта Воннегута, а потом вдруг открыл, скажем, для себя прозу Шукшина — заново перечитывал и открывал в рассказах даже какие-то неожиданные вещи. Сейчас читаю сразу две книги — если вы знаете такого автора Бушина; его критические заметки начинаются с расследования произведения Окуджавы «Путешествие дилетантов», и я взялся за эту книгу и вот начинаю параллельно читать — сравнивать...

— И они были близкими вашими людьми?

Николай говорит по телефону.

— Мне уничтожить ваши телефонные ответы? Или «украсть» ими интервью?

— Я понимаю ваше желание, но лучше стереть. Ничего предсудительного в этом разговоре нет, но это как читать чужие письма...

— Вы склонны мне доверять, вам кажется, что я сотру, или...

— Я верю людям.

— Спасибо. Я конечно же сотру. И так, насчет близких...

— Я погружался в этот мир, значит, наверное, я жил в них какое-то время.

— Как вы думаете, присущ ли вашему лицу какое-нибудь самое популярное выражение, знакомое большинству людей, с которыми вы сталкиваетесь?

— Ну, я просто знаю, что мое лицо достаточно подвижно, как у людей моей профессии. И, наверное в силу оптимизма, чаще улыбаюсь. А что касается того, насколько это верно, надо, видимо, спросить у людей, которые чаще со мной общаются.

— Как окрашена ваша приветливость? Обаяние, приветливость, доброжелательность? Еще какую-то краску вспомните?

— Ну, не знаю, может, еще доля самоиронии присутствует... Вообще у меня несколько ироническое осмысление происходящего.

— О чем говорят лица людей, с которыми вы сталкиваетесь?

— Вопрос довольно сложный опять же в силу моей профессии. Потому что многие люди реагируют на мое лицо и их глаза радостно удивлены, что они увидели человека, которого видели сто раз на экране — видят живьем. Это ощущение, с одной стороны, приятно, потому что я знаю, что нахожусь на определенной ступени иерархии — лестницы актерской; с другой стороны, есть ощущение животного за решеткой, которого разглядывают, особенно дети, они бывают беспардонны, могут подойти и смотреть вообще вот

привычка в силу профессии, лицо уже сильно потаскано от этой жизни, от раздражения, от грима и так далее...

— Не захотите ли «обратить свой взгляд глазами внутрь»... И рассказать, как вам знакомы, только понаслышке или биографически, популярные словечки: «мой тип женщины» или злополучная «искра», пролегающая между мужчиной и женщиной, которую они славословят даже когда возненавидят друг друга?

— Тип женщины? Наверное, у меня такого типа нет. И я не очень люблю мужчин, которые это рассказывают. Мне кажется, мы тем самым обижаем и принижам даму, если говорим о... Ну, понимаете о каких вещах. Я не очень люблю мужчину, который прибегает и рассказывает о женщине, сидящей за стенкой, что он там с ней делал и как она себя вела. Мне кажется, тем самым он унижает и ее и себя.

Более того, мне бы хотелось, чтобы в взаимоотношениях мужчины и женщины стояло понятие «тайнство»... Чего-то интимного, чего-то сугубо личного, только для двоих...

— Постигающие нас разочарования, мука любви или дружбы — все эти разочарования по разным, кажется, поводам... И тем не менее какой ваш страх сильнее — потерять любимую или друга?

— Я думаю, и то и другое — большая потеря. Хотя для меня это разные вещи, приблизительно как: «Кого вы больше любите — ребенка или женщину?», «Кого вы больше любите — Родину или цветы?» приблизительно такого качества вопрос: «Кого вам больней потерять — друга или люби-

был этот человек.

— Как вы думаете, Бог заболел о вас, чтобы меньше было этой муки? Не ловил себя на том, что вас Бог бережет?

— Я задумывался об этом... Может, в какой-то степени и берег. Оберегал, хотя и были в моей жизни разочарования...

— Опять же вы мне не давали повода, и я обратился к вам как к специалисту по выдающимся марксистам и прочим феноменальным преступникам. Не предполагаете ли вы, что они рождены не дьявольским замыслом, а Божьим промыслом? Не присутствует ли в «деятельности» этих людей некий феномен чуда, присущий творчеству Мопса, Пушкина и подобных им?

— Вы коснулись, мм... разговора такого... темы злодейского таланта. Значит, у кого-то это получается мелководно, у кого-то, если Бог его одарил, грандиозно, и тем страшней масштабы зла. А если говорить, насколько закономерен продукт черта или Господа Бога, — я в этом не мастак разбираться. Если касаться религиозных проблем — я в них плаваю, честно признаюсь. Исчадие ада, ужас. Не знаю... Слава Богу, я теперь знаю, что не надо всю жизнь славить взносы в партиячку, ходить на собрания, носить комсомольский билет и так далее. Можешь сам себе выбрать то, что хочешь.

— Ваш ответ — чудо. Долгие годы я старался понять, а вы своим ответом взяли и сформулировали мимоходом главную, или единственную, идею моей жизни.

— Сильно завываете, дяденька, меня. Ну?

своем в театр, на сцену, на репетицию, на съемочную площадку, и все вокруг подчинено этому. Потому что та работа, которой я занимаюсь, и предмет рассмотрения моей профессии есть человек. А интереснее трудно представить себе...

— Достаточно точно аналогия с наркотиком. Он убивает человека, вас работа тоже убивает — вы это понимаете?

— Мы рождались для того, чтобы каждый день убивать себя. Вопрос в протяженности этого события — или моментально по башке, или в течение ста лет. Поэтому — да, наверное. В какой-то степени работа меня сжигает. Но поскольку приходится проживать жизнь разных персонажей, я и получаю что-то дополнительное. Не хочу сравнивать себя с фениксом, но тем не менее есть тот интерес, который дает человеку возможность существовать дальше. И естественно, каждый день сокращает жизнь. Вопрос о ее насыщенности. Тогда мы говорим, что он прожил длинную красивую или длинную бездарную жизнь — она оказалась короткой, потому что была пустышкой.

— Аналогия с наркотиком не получилась. С одной стороны, убивает, с другой — дает вам силы жить.

— Как будем сравнивать с наркотиком, потому что я не часто пользовался и не знаю, что такое наркотик. По книжкам только.

— Как управляет вашей жизнью его величество Случай?

— Ну, вы знаете, поскольку моя профессия, условно говоря, случайна... Я не живописец — взял холст, и вот ему захо-